

КРЕПОСТЬ

РОБЕРТ ФОРД

Полтергейст Пресс

УДК 82-3
ББК 84(7Сое)6-4

Полтергейст Пресс

РОБЕРТ ФОРД

Крепость/Роберт Форд — Полтергейст Пресс, 2020. — 284с.

ISBN: 978-1-913138-69-1

Нагрянувший зомби-апокалипсис становится жестоким испытанием для неподготовленного человечества.

Джейк, человек с мрачным прошлым, готов пойти на любые жертвы ради собственной семьи. В этом он схож с престарелым байкером Кельвином, который во что бы то ни стало стремится исполнить волю покойной жены. Заключенные тюрьмы нового поколения «Тартар» верят, что впереди их ждет лучшая жизнь на останках рухнувшей цивилизации, — впрочем, у Паука, члена банды «Трех пуль», свое мнение на этот счет.

Пути выживших пересекаются в средоточии развернувшегося на территории тюрьмы ада, и каждому из героев предстоит понять, что в новом мире есть вещи пострашнее смерти.

18+

Первое издание

Публикуется по договоренности с автором

© Полтергейст Пресс, 2020

© Robert Ford, 2013

© Т8 Издательские технологии, печать 2020

ISBN: 978-1-913138-69-1

www.poltergeistpress.com

Моим родителям... за то, что вы всегда находили для меня несколько баксов, когда передвижная книжная лавка приезжала в город, и за то, что не спали и смотрели со мной старую «Сумеречную зону» и «Сказки с темной стороны». Это вы во всем виноваты.

БЛАГОДАРНОСТИ

Ни одна книга не рождается без влияния и помощи множества людей, и эта не исключение. Огромное спасибо Келли за безжалостную, но необходимую редактуру. И, как всегда, спасибо моим братьям, моим детям и команде «Мисфит Тойз» — вы сами все знаете. А еще Полу Гоблиршу: если зомби-апокалипсис когда-нибудь случится, ты и твои родные — желанные гости в моем убежище.

ПРОЛОГ

Полковник Риггз парил в облаках.

Операция Харон обернулась катастрофой, и никто не мог исправить случившегося. Пять с половиной миллиардов долларов, украденных у американских налогоплательщиков, — именно столько они заплатили за конец света.

За это?

Пять с половиной миллиардов гребаных долларов, чтобы создать...

Риггз снова глотнул из бокала «Гленфиддик»¹ двадцатидвухлетней выдержки. Не тот сорт скотча, которым люди стали бы злоупотреблять, как полковник сегодня, но, черт возьми, он решил, что другого шанса насладиться выпивкой может и не представиться.

Жаркая волна прокатилась по горлу и наполнила желудок хорошо знакомым теплом. Скотч начал смешиваться с четырьмя таблетками оксикодона², которые полковник принял час назад, и он с нетерпением ждал, когда низкий гул наполнит его тело.

В центр управления вошел старший лейтенант Стокбауэр и отдал полковнику честь.

— Сэр.

— Я ценю ваш патриотизм и преданность, старший лейтенант, но, думаю, самое время отбросить формальности. — Полковник покачал головой и отсалютовал бокалом: — Расслабься, сынок. — Он глотнул виски и закрыл глаза, наслаждаясь мягким вкусом. — Бога ради, зови меня просто Дейвом.

— Полковник Риггз?

¹ Односолодовое шотландское виски, одно из самых титулованных в мире.

² Обезболивающий препарат.

— Как твое имя, Стокбауэр?

Лейтенант переступил с ноги на ногу, не зная, как реагировать, но потом все-таки ответил:

— Тимоти Стокбауэр, сэр.

Риггз запрокинул голову и хмыкнул, чувствуя, что тело под воздействием обезболивающего наконец-то начинает приятно гудеть.

— Что ж, Тимми... Лесси, похоже, все-таки свалилась в гребаный колодец³.

Стокбауэр вновь заерзал, спрятав руки за спиной.

— Так точно, сэр.

Не открывая глаз, Риггз наклонился вперед и вновь глотнул «Гленфиддика», осушив бокал и чувствуя, как подтаявшие кубики льда касаются губ. Превосходно. Чертовы шотландцы знают толк в виски.

— Что нового, Тимми? Выкладывай.

— Вторая вспышка в Даллесе, Ла-Гуардии⁴ и аэропорту Лос-Анджелеса. Первая волна добралась на севере до Балтимора, на юге — до Александрии. Есть информация о случаях в Моргантауне в Западной Вирджинии. Еще один образец доставили из Арлингтона.

— Брось это, Тимми. Мы не у ветеринара и говорим не о собачьем дерьме. Речь о зомби, так?

— Да, сэр.

— И?

— Сэр, на телах нет следов укусов.

— И?

— Образец не вступал в контакт с зараженными. У нас есть подтверждение, сэр. Вирус передается воздушным путем — с пятой мутации.

Боже правый!

— Когда процент зараженных превысит предельно допустимый уровень?

³ Собака породы колли, вымышленный персонаж многих фильмов, книг и сериалов. Тимми Мартина, юного хозяина Лесси, сыграл актер Джон Провост, чья автобиография получила название «Тимми в колодеце». Сериальный персонаж Провоста постоянно куда-то или откуда-то падал. Единственным местом, куда он ни разу не упал за весь сериал, был колодец.

⁴Аэропорт имени Даллеса в Вашингтоне и аэропорт Нью-Йорка.

КРЕПОСТЬ

— Сэр... — Стокбауэр медлил, подбирая слова. — Это уже случилось, Дейв.

Полковник кивнул:

— Уже слишком поздно, чтобы разбомбить все к чертям и обвинить террористов, да?

— Боюсь, что так, сэр.

— Да уж, в эпоху Си-эн-эн и Интернета второй Чернобыль нам с рук не сойдет. Видел бы ты его, сынок. Просто кошмар! Дерьмо, которое русские варили в своих лабораториях, было, конечно, не так ужасно, как это, но... — Полковник снова плеснул в стакан янтарного напитка, поставил бутылку на стол и пододвинул ее к старлею.

— Сэр, я...

— Черт побери, сынок! Это конец света. Поживи хоть немного для себя. — Полковник повернулся и глотнул прямо из горла. — Вот так оно и бывает. Господь сотворил мир за семь дней, а человеку потребовалось шесть лет, чтобы... — Он взглянул на экраны компьютеров, показывающих карты с зонами заражения: — Шесть лет и десять дней, чтобы его уничтожить.

Тимми глотнул из стакана, уставился в пол, медленно кивнул:

— Да... — Он посмотрел на полковника, во взгляде читалось понимание. — Нашлась брешь в броне Божьей?

Риггз закрыл глаза, обмяк в кресле и стал медленно возвращаться — влево, вправо, — отталкиваясь ногами от пола.

— Что ты натворил в этой жизни, Тимми? Какой самый мерзкий поступок совершил? Только такой, о котором ни за что на свете не должны узнать твои родные.

— Сэр... Дейв, не думаю, что...

Полковник выпрямился:

— Какого черта, Тимми! Признавайся.

— Сэр...

Снова закрыв глаза, чувствуя, как нарастает гул в теле, полковник поднял ноги и крутанулся в кресле, наслаждаясь легким головокружением:

— Однажды я угостил дорожкой кокса пятнадцатилетнюю филиппинку. Шикарную малышку с длинными угольно-черными волосами

и попкой-персигом. Актриса из нее была никакая, но уик-энд удался. От кокаина она улетела и даже не почувствовала, как я ее завалил. Клянусь, она кончила столько раз, что я и сосчитать не могу. А как она кричала...

Стокбауэр снял фуражку:

— Сэр, не уверен, что я тот человек, которому...

— Заткнись, Тимми. Я тут не исповедуюсь. — Полковник снова крутанулся в офисном кресле и заулыбался как ребенок, вспомнив вдруг, с чего все началось.

Идея создания 14-го штамма сразу же всем понравилась. Мир разъедала опухоль терроризма, и спецслужбы делали все возможное, чтобы его исцелить. Беда в том, что террористы стали слишком хитрые и попадались нечасто. Да еще и мировые правительства тщательно охраняли свои многочисленные секреты. А ты, став бойцом невидимого фронта, волей-неволей узнаешь многие тайны. Важные вещи, интересующие других.

Любой стоящий оперативник будет держать язык за зубами до последнего. Удивительно, как долго умудрялись продержаться некоторые ребята прежде, чем их все-таки заставляли заговорить. Да Иисус Христос сломался бы раньше, чем отдельные из них. Но в конце концов сдавались все. Никто не мог выдержать пытку водой или ржавыми проводами, один конец которых протягивали к автомобильному аккумулятору, а другой — к телу несчастного. Когда пускали ток, ломались все. Однако были и такие, кому удавалось убить себя прежде, чем их захватывали в плен. Только так можно было избежать страшных мучений и не выдать врагу ценной информации.

В своей безграничной мудрости американское правительство определило: даже если удастся вернуть тела домой, к сожалению, из мертвого мозга павших героев невозможно извлечь воспоминания о пережитом в последние часы жизни — никакой информации о мучителях или местах, где несчастные встретили свой конец.

Никакой важной информации.

КРЕПОСТЬ

Штамм-14 был чудо-проектом, созревшим в военных биоинженерных лабораториях. К работе были подключены чуть ли не все научные отрасли, в команде были ведущие ученые мира. Даже русские и китайцы, буквально сбежавшие из своих стран в надежде на лучшее. Лаборатория выглядела как старая реклама «Бенеттона» — пестрая и многолюдная, что твой земной шар⁵.

Штамм-14...

Просто кошмар.

Его тестировали на крысах. На шимпанзе. На хорьках. Одна тестовая группа сменяла другую.

Результаты были отличными. Все. Генерал готов был выпрыгнуть из штанов от радости, когда приходили очередные заключения.

Штамм-14 вводили солдатам и сотрудникам спецслужб, и он дремал до часа икс — до момента их гибели. Вирус активизировался при нехватке кислорода, которая неизбежно наступала после смерти. Штамм изменял цепочку ДНК и продолжал мутировать, выжимая последние капли кислорода из крови, не давая мозгу умереть, если, конечно, тот не был необратимо поврежден. В противном случае все усилия шли прахом и последние воспоминания бойца были ведомы одному только Богу. Но если мозг был цел, то на протяжении примерно сорока часов после смерти ученые могли извлечь образы последнего, что видели погибшие.

Никто не обратил внимания на добавочную мутацию, разрушавшую участок мозга, связанный с эмоциями, и увеличение субсегментов, отвечающих за кровожадность. Проще говоря, умирая, зараженные превращались в бешеных каннибалов. Пробуждался не только мозг — за ним следовало и тело.

Зомби. Пять с половиной миллиардов долларов, чтобы создать... гребаных зомби.

⁵ Итало-американская компания «Бенеттон», продающая одежду, прославилась смелой, социально острой рекламой. Компания занимает нейтральную позицию и считает, что в мире все равны, независимо от пола, возраста и цвета кожи. Одна из первых ее рекламных кампаний 1983 г. прошла под лозунгом: «"Бенеттон" — все цвета мира».

— «На всю страну монаршьим криком грянет: “Пощады нет!” — и спустит псов войны»⁶.

Полковник вновь поднес ко рту бутылку «Гленфиддика». Вкуса он больше не чувствовал, просто хотел забыться.

— Чьи это слова, Дейв?

Выдохнув, чтобы насладиться в полной мере приятным жжением скотча, полковник открыл глаза и снова посмотрел на Тимми.

— Шекспира, сынок. Он так иносказательно говорил о войне. Только на этот раз... — Полковник повернулся и бросил взгляд на экраны: теперь красные точки, обозначающие зоны поражения, появились в Калифорнии, Денвере и по всему восточному побережью. — На этот раз мы проиграли ее — сами себе.

Красный телефон на краю стола зазвонил. Полковник помедлил, но потом все же снял трубку и какое-то время молча слушал невидимого собеседника.

— Да, сэр. Подтверждено, сэр. Да, сэр. Для меня было огромной честью служить президенту и стране. Спасибо, сэр. Удачи, и да поможет вам Бог. — Риггз глотнул из бутылки и повесил трубку.

— Здесь внизу запасов хватит на четыре года, полков... э, Дейв.

— Знаю, сынок. — Полковник тяжело вздохнул, глядя на красный телефон. Достал из кобуры кольт и дважды выстрелил в грудь Стокбауэру. Старший лейтенант отлетел назад и сполз на пол, оставив на стене цвета яичной скорлупы кровавое пятно. — Теперь их хватит на восемь лет. Прости.

Полковнику показалось, что Стокбауэр выглядит как старая тряпичная кукла.

Передается по воздуху... Боже правый!

Он поднял пистолет и проделал во лбу Стокбауэра дыру — голова лейтенанта ударилась о гипсокартон, и вокруг нее тут же образовался кровавый нимб. Лучше перестраховаться, чем сожалеть.

Полковник Риггз отсалютовал бутылкой потолка и допил виски, вспоминая что-нибудь еще из «Юлия Цезаря». А потом он вдруг осознал, что со звонка президента Соединенных Штатов должна

⁶ Уильям Шекспир. Юлий Цезарь. Пер. М. Зенкевича.

КРЕПОСТЬ

пройти целая вечность прежде, чем он вновь услышит человеческий голос.

Эшли Уэллес стояла у двери спальни и прислушивалась к хихиканию девочек-подростков внизу. Она улыбнулась, несмотря на то, что на глаза навернулись слезы. Как так вышло, что ее малышке уже шестнадцать? Куда, черт возьми, ушли все эти годы? Разве Тори не носила подгузники еще несколько недель назад, разве не разрисовывала стены восковыми карандашами, когда рядом никого не было?

Сморгнув слезы, Эшли взглянула на себя в зеркало, висящее над туалетным столиком. Это была одна из редких минут, когда женщина, наконец-то оставшись одна, могла оценить себя в полной мере и осознать, что она куда красивее, чем думала раньше. Неплохо для тридцати четырех. Эшли улыбнулась своему отражению:

— Возраст только у нас в голове, милая.

Эшли обернулась, увидела мать, глядевшую на нее из коридора, и улыбнулась:

— Привет, мам.

— Чувствуешь себя сегодня чуточку старше?

— Немного. Не могу поверить, что Тори шестнадцать. Из-за развода я... — Эшли покрутила в руках мобильный и положила его на столик. — Порой мне кажется, что я, с одной стороны, прожила куда больше, чем есть на самом деле, а с другой — совсем мало.

— У тебя много дел, но не спеш. Что до Тори... она растет. Совершит все положенные ей ошибки, но ты ей всегда будешь гордиться, а она навсегда останется для тебя маленькой девочкой, как ты для меня. — Пожилая женщина вошла в спальню дочери и села на

кровать. — Когда ты росла, я чувствовала то же самое. Глядя на тебя теперь, я все еще вижу ту маленькую белокурую девочку, с которой мы собирали в саду клубнику. — Она засмеялась и покачала головой: — Обычно ты ела больше, чем собирала, но нам было ужасно весело.

Эшли почувствовала, что слезы снова наворачиваются на глаза, однако, сдержав их усилием воли, она рассмеялась и обняла мать.

— Идем, милая. У нас в гостиной празднуют день рождения твоей дочери. Там куча девчонок-подростков. Ты же купила нам вина?

Она подмигнула дочери, и Эшли рассмеялась вновь:

— О да! Я решила, что оно нам понадобится. Сейчас спущусь, мама. Спасибо тебе.

Эшли снова взяла мобильник и набрала номер бывшего мужа — уже четвертый раз за день. Сработала голосовая почта, и она прервала вызов, не оставив сообщения. К черту! Джейк обещал, что придет на день рождения дочери. Если он этого не сделал, сам виноват. Она бросила последний взгляд в зеркало, глубоко вздохнула и направилась к лестнице.

— Сегодня за рулем Чед! — Тори выглянула из окна, когда фургон «Пиццы Ломбардо» остановился в конце подъездной дорожки.

Она тут же приняла такой мечтательный вид, какой только может быть у девочки-подростка, охваченной тайной любовью.

Тамара, удивленная сделанным вдруг открытием, повернулась к подруге:

— Да ты на него запала!

— Нет!

— Ты его лю-ю-любишь, — пропела Бриттани, дразня подругу.

Тори зарделась и выдавила улыбку:

— Вы понятия не имеете как. — Она прижала руки к груди и устремила взгляд к небесам, а потом крикнула на кухню: — Mam, пиццу привезли!

КРЕПОСТЬ

— Вижу. — Эшли вошла в гостиную, держа наличные. — Кто такой Чед? — кивнула она дочери и вручила ей деньги.

— Ты ведь знаешь, что он встречается с Бет Клушер? — Тамара открыла банку «Ред Булла» и сделала глоток.

— Во вторник они расстались. — Тори победно ухмыльнулась и поспешила к входной двери. — Сегодня после биологии он пригласил меня на свидание.

— Не может быть!

— Может. Мы пойдем на «Черный лед», тот фильм про пришельцев с Эштоном Кутчером.

Бриттани взвизгнула от восторга:

— И к заводу после кино!

— К углеперерабатывающему? — Бабушка, вошедшая вслед за матерью, удивленно вскинула брови и посмотрела на Бриттани и Тамару: — Туда еще ходят на свидания?

— Бабуля! — Тори сделала большие глаза.

Эшли засмеялась:

— Перестань. А как, думаешь, ты появилась на свет? Мы с твоим отцом ходили туда все...

— Фу-у-у! Прекрати, мам!

Тори передернула плечами, отгоняя мысли о родителях, и с голливудской улыбкой открыла дверь.

Чед уже стоял на пороге, держа перед собой стопку коробок с пиццей. Эшли отошла в сторону, позволив дочери насладиться положенным имениннице вниманием. Она видела Чеда раньше и понимала, почему он нравится Тори.

Но сегодня Чед выглядел плохо. Даже дерьмово, на взгляд Эшли. Непослушные кудри намокли от пота и прилипли к вискам. Всегда сияющие сапфировые глаза, что не раз, как она замечала, провожали Тори, стали цвета выцветших джинсов, оттененные темными кругами. Казалось, поблек даже его неизменный загар, и красавец Чед походил на нескладного школьника-гота. На лбу красовалась повязка, похоже измазанная кровью.

Тори шагнула вперед:

— Чед, ты в порядке?

— Да, я... я в норме... — Его глаза закатились, и он рухнул в дверной проем, прямо на ковер. Коробки с пиццей разлетелись в стороны.

Парень забился в судорогах, Тори дико закричала. Чед зашелся в приступе кашля, на светло-коричневый ковер гостиной брызнула кровь. Скрюченными пальцами он неистово царапал ворс.

— Звони 911! — крикнула Эшли дочери и упала на колени, стараясь перевернуть Чеду на бок. Но дочь застыла на месте, полными ужаса глазами глядя на парня. — Тори!

Та наконец вышла из ступора и вытащила мобильник из кармана джинсов. Конвульсии постепенно стихли, и теперь тело Чеды лишь слабо подергивалось. Розовая пена пузырилась на губах, глаза были закрыты, веки трепетали — все случившееся походило на какой-то припадок.

Он снова закашлялся, выплевывая нити кровавой слюны. Эшли отшатнулась. Что это, черт возьми?

— О боже! — Бриттани смотрела на кровь, не в силах отвести взгляд.

Тамара в страхе застыла перед диваном.

— Мам, у них занято!

Чед содрогнулся и задышал быстро-быстро — по подбородку на ковер побежали темные струйки крови.

Эшли смотрела на него, мысли металась, как безумные: «Черт возьми, мальчик умирает в моей гостиной!»

— Не могу дозвониться! — В голосе дочери Эшли слышала надвигающуюся истерику.

— Что значит «у них занято»? Это 911! — Оставив Чеду, Эшли побежала на кухню и схватила со стола свой мобильник.

На том конце линии заиграла мелодия из трех нот, раздался механический голос: «К сожалению, все линии заняты. Пожалуйста, позвоните еще раз».

Эшли почувствовала, как странный холодок ползет по спине. Что-то не так. Она набрала снова, прервала вызов, едва включился автоответчик, и в ту же секунду услышала вдалеке вой сирен.

Что, черт возьми, случилось?

КРЕПОСТЬ

Тамара закричала, и Эшли бросилась в комнату как раз в тот миг, когда Чед, перепрыгнув через диван, вгрызся девушке в горло. Кровь хлынула на подушки. Тамара била его по лицу, царапала щеки, и он на мгновение отшатнулся — в зубах Чед сжимал кусок плоти, — а потом дернулся вперед и вцепился в трахею жертвы. Послышались мягкие, едва различимые звуки, будто на упаковочной пленке лопались пузырьки.

Тамара в последний раз шлепнула Чеда по лицу и обмякла.

Вышедшая из ступора Тори заорала что есть сил, и парень обернулся к ней. Его глаза пылали как угли, подбородок блестел от крови. Он отпустил труп, ощерился и рванул вперед...

Джейк не был виноват, но все равно чувствовал себя полным кретинном. Он взглянул на часы.

Уже. Так. Поздно.

Рейс из Сиэтла задержали на взлете. Пересадку в Атланте отложили. Пилот кружил над Харрисбургом полчаса прежде, чем ему дали разрешение на посадку. Все не заладилось с самого утра, с момента сдачи вещей в багаж.

Глядя на плывущую по кругу пустую багажную ленту, Джейк вытащил из кармана мобильник. Закрыв глаза, безмолвно молясь, чтобы тот на сей раз включился. Мобильник устарел уже очень-очень давно (блин, да они с Эш, когда еще были вместе, не раз шутили о том, как было бы здорово сжечь его на костре, который порой разводили за домом), но Джейку все не хватало времени на то, чтобы обновить телефон, даже когда тот начал глючить. Ну ничего, как только он выйдет из аэропорта, тут же купит новую батарею и немного продлит старичку жизнь.

Вздохнув, Джейк нажал на кнопку питания. Экран вспыхнул, замерцала привычная заставка.

— Да мать твою! — в сердцах выругался он, чем привлек внимание старушки в толстовке «Из Сиракуз».

Улыбнулась ей, поднимая вверх большие пальцы. Она смерила его негодующим взглядом и отвернулась.

Когда загрузилось меню, Джейк проверил голосовую почту — сообщения от Эш: «Джейк, ты где? Пожалуйста, скажи, что в аэропорту, а не в отключке в... — Она тяжело вздохнула — хорошо знакомый

звук. — Прости, ладно? То, что произошло... Ты не знаешь, как мне жаль. Если ты еще злишься, я стерплю... но не вымещай гнев на Тори... — Еще один тяжкий вздох: боже, она казалась такой подавленной, такой усталой. — Просто приезжай, хорошо, малыш?»

Джейк подумал о последних словах Эшли: прежде чем повесить трубку, она добавила «малыш». Это когда-то привычное слово до сих пор невыносимо слышать. Нужно научиться не обращать внимания. За шестнадцать лет жизни с женщиной такие слова входят в привычку, становятся второй натурой. Каждый раз, слыша их от Эш, он испытывал боль, которая, казалось, никогда не утихнет.

Джейк закрыл глаза и слушал тишину, пока не раздалось механическое «Больше сообщений нет». Посмотрел на багажную ленту — все еще пустую — и нажал на кнопку быстрого набора, чтобы позвонить бывшей жене. Заиграла прощальная мелодия — экран погас.

Джейк проглотил ругательство и сжал мобильник, прежде чем сунуть его в карман. Заметил, как бабуля из Сиракуз искоса посматривает на него, и захотел показать ей средний палец, но сдержался и опять уставился на пустую багажную ленту.

К черту! Выйдя отсюда, он купит новую батарею и автомобильную зарядку, позвонит Эш и расскажет, что случилось. Когда он придет домой (снова укол боли: не «домой»... по крайней мере, не к себе домой), все будет хорошо.

Глухие удары донеслись с багажной карусели — из отверстия, закрытого пластиковой шторкой. Давно, блин, пора! Люди обступили ленту, надеясь забрать свои вещи, высматривая тесемки, привязанные к ручкам, или наклейки, позволяющие отличить свои чемоданы от похожих чужих.

Сдавленный крик донесся из-за гофрированной шторки, карусель, лязгнув, остановилась и заработала вновь. Бабуля из Сиракуз и два бизнесмена в дешевых костюмах вытянули шеи, пытаются заглянуть за нее. Джейк заметил, как их взгляд скользнул к алюминиевым пластинам, вращавшим и-образную ленту. И тут из отверстия для возврата багажа потекла кровь — все не отрываясь наблюдали за тем, как жуткое пятно расплзается по резине.

КРЕПОСТЬ

Когда оттуда вывалились двое мужчин в синей форме международного аэропорта Харрисбурга, бабуля из Сиракуз закричала. Один лежал на спине, визжа и пытаясь стряхнуть с себя худого как палка коллегу, царапавшего его лицо.

На середине карусели тощий зарычал и склонился к бьющейся под ним жертве. Клацнул зубами, вгрызаясь бедняге в лицо и вырывая левый глаз. Мышцы и связки порвались, щеки несчастного заляпало алым, пока его мучитель с упоением жевал истекающий кровью глаз. Задрав голову, он сглотнул, а потом приник красным ртом к горлу жертвы, впиваясь в плоть, пока влажный хруст не оборвал крики.

Бабуля из Сиракуз бросила сумочку и начала пятиться. Один из бизнесменов пришел в себя первым и убежал, прижимая к груди сумку с ноутбуком, как ребенок плюшевого медведя.

Застыв от ужаса, Джейк смотрел, как тощий служащий, словно зверь, вырвал горло у своей жертвы. Ноги умирающего засучили по металлическим пластинам, кровь хлынула из рваной раны. Лента продолжала движение, словно в каком-то кошмарном представлении, пока бьющийся в агонии мужчина заливал ее фонтаном красных брызг.

А потом, как раз когда бабуля из Сиракуз решила наконец свалить, мимо них на полной скорости на гольф-каре промчался охранник. Его форма была заляпана кровью, в руке он держал пистолет. Гольф-кар ударил старушку под колени — она отлетела в сторону и мешком свалилась на гладкий кафельный пол.

Охранник даже не остановился.

Поодаль, где-то в терминале, раздались выстрелы.

Джейк отвернулся от багажной ленты и посмотрел на улицу через стеклянные двери аэропорта. Водитель такси повалил носильщика на капот и вгрызся ему в живот, содержимое желудка брызнуло на облупившуюся желтую краску.

Громкоговорители взрывались сигналом тревоги, но Джейк едва его слышал — так кричали вокруг.